

DOI: 10.37930/1990-9780-2022-3-73-45-51

*А. Н. Клепач*¹

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В НОВОЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ²

Геополитический кризис на Украине и развёрнутая коллективным Западом экономическая блокада России ведут к качественному изменению российской экономики и её позиционирования в мировой экономике. Утрачивает смысл экономика высокого торгового профицита, избыточных государственных сбережений. Национальный экономический и технологический суверенитет требует не просто восстановления цепочек поставок и логистики, а структурной перестройки экономики и форсированного перехода к новой экономике знаний и здоровья. В рамках ESG повестки повышается значение социальной составляющей и скоординированности разных направлений государственной политики и бизнес-стратегий.

Ключевые слова: геополитический кризис, экономическая блокада, торговый профицит, государственные сбережения, структурная перестройка экономики.

УДК 330.352

Принято говорить, что мы живём во время неопределённости. Тем не менее есть вещи, которые достаточно определённы. Гибридная война Запада против России перечеркнула нашу 30-летнюю интеграцию в Европу в экономическом и институциональном смысле. Как предвидел Вадим Цымбурский: «...будущее для России выглядит так: или расколота Россия в некотором эталонно едином мире, или единая Россия в признанно расколотом мире». Действительно, наше вхождение в европейскую цивилизацию привело к расколу между Украиной и Россией, или между Малороссией и Великобританией, а в конечном счёте – к расколу между Западом и Россией. Коллективным Западом установлена практически полная экономическая, научная и даже культурная блокада России.

Можно говорить о новом переделе или расколе мира на так называемые враждебные (или недружественные) и дружественные или нейтральные страны. Этот раскол характеризуется огромным неравенством (см. таблицу).

Недружественные страны при 15 % мирового населения дают почти 60 % мирового ВВП, тогда как дружественные и нейтральные страны производят примерно 40 %

¹ *Андрей Николаевич Клепач*, главный экономист ВЭБ РФ (107078, РФ, Москва, пр. Академика Сахарова, д. 9), канд. экон. наук, e-mail: info@veb.ru

² Подготовлено по материалам доклада на VII Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2022) «Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2): проблемы, факторы и перспективы развития в современной геоэкономической реальности». 31 марта – 1 апреля 2022 г.

Доля недружественных стран по ВВП и населению в 2021 г.

Показатель	Недружественные	Остальные	Всего
Доля ВВП по ППС в мире, %	44	56	100
ВВП по ППС в мире, млрд долл.	63 784	82 340	146 124
Доля ВВП по рыночному курсу, %	59	41	100
ВВП по рыночному курсу, млрд долл.	56 621	39 671	96 293
Доля населения в мире, %	15	85	100
Население, млн чел.	1 179	6 642	7 821

Источник: МВФ (WEO 2022 Apr.), расчёты Института ВЭБ.

ВВП при 85 % мирового населения. В то же время при оценке ВВП по паритету покупательной способности (ППС) расклад сил получается иной: дружественный и нейтральный мир производит 56 % мирового ВВП. Важен не только и не столько сравнительный вес экономических систем, но и степень их организованности и согласованности действий. США вместе с Японией, Великобританией, Южной Кореей, Австралией и Евросоюзом дают около 39,5 % мирового ВВП (по ППС), тогда как страны ШОС – 30 %, а Большая Евразия, включая Турцию, Иран и страны АСЕАН, – 37 %. Если бы не 14-летняя стагнация российской экономики, экономические силы были бы примерно равными. Коллективный Запад более организован и интегрирован, чем страны развивающегося мира, и он контролирует все ведущие международные институты (МВФ, ВБ, ВТО). Если ведущие развивающиеся страны смогут консолидировать свои усилия и повысить качество интеграционных организаций, тогда их влияние на мировую экономику резко повысится. Сейчас же они уступают по экономическому и демографическому потенциалам.

Каким будет мир будущего и какое место в нём займёт Россия? Вряд ли мы увидим восстановление отношений, существовавших до начала конфликта на Украине (как до 24 февраля 2022 г., так и с момента переворота 2014 г.). Будет другой формат взаимоотношений России и Европы и мира в целом. Изменится сам мир, и Европа без взаимодействия с Россией перестанет быть Европой. Можно называть это концом современной формы глобализации или рождением новой глобализации и сетевой структуры межрегиональных центров сил и развития.

Многokrратно уступая коллективному Западу по объёму ВВП, Россия благодаря огромным энергетическим, сырьевым, водным, лесным и продовольственным ресурсам оказывает чувствительное влияние на мировые рынки. Значительный промышленно-энергетический и научно-технологический потенциал в большей степени, чем золотовалютные резервы и государственные сбережения, обеспечивает высокую устойчивость российской экономики к внешним шокам и достаточный экономический суверенитет. Углубление интеграции, ориентированной на Восток и на Юг, становится безальтернативным вариантом адаптации к антироссийской блокаде, а в среднесрочной перспективе – важным фактором повышения устойчивости российской экономики и формирования новой модели развития для всего мира.

Станет ли Россия, как иногда говорят, старшей сестрой Китая или его младшим партнёром, или мы сможем сформировать достаточно самостоятельный, устойчивый русский мир или евразийское пространство? Мы давно провозгласили поворот на Восток и формирование Большого евразийского партнёрства, но крайне мало в этом преуспели. Даже в рамках ЕАЭС не появилось реальных масштабных совместных проек-

тов и глубокой промышленной, аграрной и научной кооперации. Во многом это результат неготовности России и российского бизнеса идти на значимые инвестиции на постсоветском пространстве. С другой стороны, наши ближайшие партнёры создавали постоянные барьеры для российских инвестиций и препятствовали более глубоким интеграционным действиям – вплоть до следования антироссийским санкциям из-за боязни потери внешних рынков и высокой зависимости от англосаксонских инвесторов. Превращение доллара и евро в токсичные валюты для российских банков и компаний придаёт новую остроту вопросам расширения расчётов в национальных валютах и создания в перспективе коллективной валюты для межстрановых расчётов в ЕАЭС или для более широкого круга участников с учётом опыта переводного рубля эпохи СЭВ, но с использованием современных цифровых технологий.

Россия исторически обречена быть лидером интеграции на постсоветском и евразийском пространстве. Во что выльется переформатирование постсоветского пространства, предвидеть в деталях сложно, но необходимо наполнить новым содержанием существующие формы интеграции и взаимодействия. ШОС из организации по безопасности может трансформироваться в экономическое и геополитическое интеграционное образование, включив в свой состав Иран, а в перспективе, возможно, и Турцию. В силу взаимодополняемости экономик членов ШОС оно может стать ведущим интеграционным объединением Евразии и мира, предложив новый формат равноправного и взаимовыгодного экономического сотрудничества в развитии. Либо Россия реализует конкретный проект Большого Евразийского партнёрства, или это сделает Китай через свой проект «Путь и Пояс», а Россия останется на вторых ролях. БРИКС из клуба встреч руководителей государств также может превратиться в реальное интеграционное объединение, расширив свой состав за счёт Саудовской Аравии и арабских государств, стран Латинской Америки и Африки. БРИКС потенциально может стать моделью взаимодействия развивающихся стран, альтернативной МВФ и Всемирному банку, но для этого необходимы прежде всего воля и новые идеи соразвития.

Специальная операция на Украине и начатая Западом гибридная война против России и Белоруссии вызвали напряжение в процессе интеграционного взаимодействия внутри ЕАЭС. В отличие от ЕАЭС и ОДКБ коллективный Запад обеспечил достаточно высокую степень согласованности совместных действий против России. Российские же партнёры по ЕАЭС продолжают традиционную политику балансирования и многовекторности. Возможно, настало время определённости в соразвитии и даже принуждения к интеграции. Россия должна в рамках СНГ и ЕАЭС предложить новую повестку соразвития, используя опыт союзного государства с Белоруссией, включая развёртывание общих программ, развитие гуманитарного, научного, образовательного сотрудничества и создание реальных общих фондов развития.

Как справедливо отмечают некоторые эксперты, Союзное государство России и Белоруссии может принять в свой состав государства, готовые на более глубокую интеграцию, что означает формирование разноуровневой или разнотемпной интеграции в рамках ЕАЭС и СНГ. При этом, когда бы ни закончилась спецоперация на Украине, возникнет вопрос о выстраивании экономических и социально-политических отношений с Украиной или украинскими областями, которые останутся в СНГ и будут партнёрами России.

Многолетним структурным фактором является высокая зависимость России от экспорта в Евросоюз и импорта из него. По данным ФТС и Trademap, доля Евросоюза во внешнеторговом обороте России – 36...40 %. Несмотря на рост экспорта в стоимостном выражении его физический объём упадёт примерно на 15 % и будет стагнировать

в ближайшие 2-3 года, которые потребуются на разворот на Восток. В текущем году ожидается сокращение импорта в реальном выражении на 44...45 %, что уже вызвало нарушение многих цепочек поставок и логистических связей. Трудно предсказать, сколько лет потребуется для восстановления докризисного уровня с учётом изменения географии импорта. Шок предложения, по оценкам ИНП РАН и Института ВЭБ, может привести к сокращению ВВП России на 3,5...4 %, что составит почти 40 % ожидаемого сокращения ВВП в 2022 г. в целом. Все согласны, что приоритетной задачей российской экономики становится выстраивание новых цепочек поставок комплектующих и логистики со странами Азии, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Латинской Америки. Возможно, что путь на Юг – в Турцию, Иран и арабские страны может стать даже более эффективным, чем поворот на Восток – в сторону Китая.

Хотя экспорт России в Евросоюз и Европу невелик (около 1,6 %), мы критически важны для европейского энергетического рынка, мирового продовольственного, а также рынков удобрений и цветных металлов. Сокращение предложения российских энергоносителей и ключевых сырьевых товаров стало одним из важнейших факторов ускорения мировой инфляции. Развернув тотальные антироссийские санкции, Евросоюз нанёс себе тяжёлый экономический ущерб (относительно более высокий, чем издержки американской экономики), но не стоит недооценивать адаптивный потенциал европейской экономики. Европейская экономика потеряет около 1...1,5 пп. роста, но всё же избежит как спада, так и падения реальных доходов населения в большинстве стран. В России, несмотря на принимаемые антикризисные меры, сокращение ВВП может достигнуть 8,5...9,5 %, реальных доходов населения – около 9 %. В то же время при реализации достаточно мощных мер социальной поддержки населения и стимулирования структурной перестройки экономики уже в 2023 г. можно перейти к экономическому росту. На полное восстановление докризисного уровня экономики может потребоваться 3...4 года, при этом её структура существенно изменится.

Тридцать лет (за исключением короткого перерыва в 2006–2007 гг.) мы развивались в условиях высокого положительного сальдо текущих операций и оттока капитала. В 2022 г. сальдо текущих операций может достичь 250...260 млрд долларов (13...14 % ВВП), отток капитала будет немногим меньше. В среднесрочной перспективе сальдо текущих операций уменьшится (до 6...7 % ВВП), как и отток капитала, но останется достаточно высоким. Если раньше часть высокого торгового сальдо шла на увеличение золотовалютных резервов страны, то в условиях экономической блокады это стало бессмысленным. Тем более что, арестовав почти половину золотовалютных резервов страны, Запад может повторить этот шаг в отношении частных валютных активов российских компаний и банков. Накапливать же юани в больших объёмах вместо долларов и евро нецелесообразно. Как справедливо заявляют А. Г. Аганбегян и А. А. Широв, Россия должна переходить к нулевому или сбалансированному торговому сальдо. Вместо избыточных государственных сбережений и резервов необходимо увеличивать импорт для обновления производственной и научной базы, строительства заводов, дорог, медицинских центров. Меняются приоритеты – от форсированного наращивания экспорта к увеличению внутреннего спроса и импорта технологий. А это – совершенно иной механизм выстраивания в мировую экономику и другая модель развития страны в целом.

Решить задачу увеличения критического импорта и восстановления платежей частные компании и банки самостоятельно не смогут. Целесообразно сформировать пул экспортёров и банков, имеющих избыточные валютные активы, для осуществления критического импорта в интересах и других участников рынка напрямую либо при

участии государства и его институтов развития с учётом государственных приоритетов. Это может быть система своеобразных валютных займов государства (сделок репо) на цели критического импорта. Институты развития могли бы выдавать поручительства по валютным займам для целей критического импорта для снижения рисков (ВЭБ РФ имеет такое право в пределах 200 млрд рублей).

Особое значение приобретает также инвестирование в зарубежные активы, которые важны для модернизации российской экономики – покупка активов для развития вместо яхт и дворцов! Скоординированные зарубежные инвестиции помогли бы создать внешний контур развития России.

Целесообразно по-прежнему стимулировать рост как энергетического, так и несырьевого экспорта. В то же время его вклад в экономический рост объективно понизится, и более важным будет качественный вклад в предложение, чем в спрос. Сокращение спроса стран Запада на российские углеводороды не в полной мере можно заместить увеличением экспорта на восточные рынки. Создание новой мощной инфраструктуры экспорта газа в восточном направлении потребует, как минимум, 6...8 лет. В это время объёмы добычи газа, угля, нефти и их переработки неизбежно уменьшатся. Насколько это удастся компенсировать развитием других производств?

Изменение структуры российской экономики в сторону более высоких переделов переработки сырья, высоко- и среднетехнологичной продукции, а также экономики знаний и здоровья давно назрело и является одним из приоритетов экономической политики. Блокада со стороны Запада резко повысила остроту этих структурных преобразований, но это задача не 2-3 лет, а долгосрочной политики, которая так и не сложилась. У нас есть многолетние болевые точки. Необходимо не просто заменить часть импортных комплектующих, важно создать отсутствующие звенья индустриальной системы: прецизионные подшипники, твёрдый инструмент, тяжёлые дизели, программное обеспечение для управления объектами критической инфраструктуры и конструкторских разработок, отечественное производство чипов и микропроцессоров и многое другое.

После 2012 г. мы начали повышать заработную плату преподавателям, учителям и врачам, запустили программы поддержки высокотехнологичной медицинской помощи и перинатальных центров. Тем не менее образовался дефицит учителей, врачей и медицинского персонала; качество образования, как и доступность медицинских услуг, не повысились, а по многим направлениям снизились. Системные программы модернизации образования, улучшения качества и доступности медицинских услуг должны быть разработаны и реализованы. Это потребует увеличения как общих, так и в первую очередь государственных расходов на образование с нынешних 3,5 % ВВП (общие расходы – 4,3 %) до 5,2...5,5 % (общие – 6,5%); на здравоохранение – с 4,2 % ВВП (общие – 6,6 %) до 5,6...6 % (общие – 8,4...9 %) ВВП в 2030 г.

Несмотря на предпринимавшиеся в последние годы научно-технологические нововведения (национальная технологическая инициатива, дорожные карты развития технологий, поддержка венчуров и научно-образовательных центров) наука, похоже, самое провальное направление экономической политики за последнее десятилетие. Приоритетность развития науки и технологий признаётся всеми, периодически собирается совет президента по науке и технологиям, однако расходы на их нужды стагнируют на уровне 1 % ВВП уже 18 лет. Практически ни один из целевых параметров государственных программ в этой сфере, кроме задачи по повышению заработной платы целевым категориям исследователей, не выполнен. Ни в одной другой сфере такого расхождения между словами и делами нет. Очевидно, что решить задачу импортозаме-

щения, экономического и технологического суверенитета без опережающего развития науки, особенно прикладной, невозможно. Эффективную экономику знаний ещё предстоит создать. Это – долгосрочная задача, тем не менее новые научно-технологические проекты – драйверы экономики и идей – необходимо запустить в ближайшие годы.

Наука – это не только идеи, но и индустрия экспериментов, экспериментальных установок и опытного производства. Есть федеральный проект по развитию и обновлению приборной базы академических институтов и научных центров, нацпроекты, но, как заметил А. М. Сергеев, все деньги на техперевооружение российской науки меньше расходов одного американского университета. Без кардинальных изменений и учёные будут уезжать, и мы проиграем войну технологий и знаний. Необходимо принять государственную программу развития научного приборостроения и увеличить расходы на НИОКР до 2,5...3 % ВВП (государственных – до 1,5 %). Научно-технологическая блокада Запада обострила в разы эту проблему. Должен, наконец, наступить момент истины и момент действий, а не слов.

Разделяю мнение экспертов, что вся финансовая и денежная политика должна существенно поменяться и стать политикой развития, а не политикой стабильности любой ценой. При этом основным стимулирующим фактором (особенно в долгосрочном плане) выступает бюджет, тогда как денежно-кредитное стимулирование носит преимущественно краткосрочный характер. Вместе с тем политика развития банковского сектора и финансовых рынков, или долговой экономики, направленной на создание длинных денег, в том числе через институты развития, является важным структурным долгосрочным фактором развития экономики. Правительство начало работу над модификацией бюджетного правила, так как его старая модель, ориентированная на накопление зарубежных активов, утратила смысл. Важно, чтобы новая конструкция не повторяла старую ошибку накопления избыточных государственных сбережений. В частности, можно ограничиться определённым уровнем бюджетного дефицита (например, не выше 1,5...2 % ВВП в среднем за период, как это во многом было и раньше). Таргетирование инфляции также должно модифицироваться с учётом приоритетности стабильности курса и важности неценовых факторов инфляции, а также создания механизмов дисконтирования внутренних цен от мировых цен по ключевым сырьевым и энергетическим товарам.

Российская экономика продемонстрировала достаточно высокую устойчивость к шокам, вызванным экономической блокадой Запада, но основные испытания ещё впереди и надо выстраивать долгосрочную политику развития и защиты экономического суверенитета. При всей важности оценок масштабов кризисных потерь и сроков выхода из кризиса особое значение приобретают вопросы ценностей, вокруг которых консолидируется российское общество. Любая война или социальное потрясение не просто приводят к человеческим жертвам и экономическим потерям – они меняют общество. Ради чего принесены жертвы, какая жизнь будет в России после завершения геополитического конфликта? Вопросы справедливости и уменьшения неравенства, «национализации элит», обновления и обустройства России приобретают новое звучание. Повестка мирового развития много лет назад начала меняться под влиянием целей глобального развития ООН и устойчивого развития, а в последние годы и ESG ценностей в действиях бизнеса. Геополитический конфликт не перечёркивает эти цели, но, по-видимому, смещает акцент с экологии (E) на социальную составляющую государственной политики и деятельности бизнеса (S). Социальный фактор, в том числе ответственность перед своими работниками, становится определяющим для мотивации западного бизнеса, остающегося в России, несмотря на санкции и массовый исход за-

падных компаний. У российского бизнеса есть свой опыт социальной ответственности, идущий со времён ответственного бизнеса царской империи и советской эпохи. Необходимо не просто копирование западных практик ESG с расчётом на экспорт и потенциальное привлечение западного финансирования, но и выработка собственной российской модели социально и экологически ориентированного бизнеса и его партнёрства с работниками, потребителями и государством. Ценности служения, а не только прибыли и увеличения капитализации должны найти отражение в КПЭ госкомпаний, а также в нормативно-правовой базе акционерных обществ и госкорпораций. Россия может стать примером перехода к устойчивому социально и экологически ориентированному развитию.

A. N. Klepach³. Russian Economy in the New Geoeconomic Reality. The geopolitical crisis in Ukraine and the economic blockade of Russia deployed by the collective West lead to a qualitative change in the Russian economy and its positioning in the world economy. The economy of high trade surpluses and excessive government savings is losing its meaning. National economic and technological sovereignty requires not just the restoration of broken supply and logistics chains, but the restructuring of the economy and an accelerated transition to a new economy of knowledge and health. Within the framework of the ESG agenda, the importance of the social component and the coordination of various areas of state policy and business strategies is increasing.

Keywords: geopolitical crisis, economic blockade, trade surplus, state savings, structural adjustment of the economy.

³ *Andrey N. Klepach*, Chief Economist at VEB RF (Academician Sakharova Av., 9, Moscow, 107078, Russia), Candidate of Econ. Sc., e-mail: info@veb.ru